

К СПОРУ О ФОНЕМЕ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ» В 1952-53 ГОДАХ

Так сложилось, что фонема оказалась в центре многих языковедческих концепций, созданных в последние 150 лет. М.И.Стеблин-Каменский по этому поводу заметил, что «Перенос фонологических терминов в описания не фонологических явлений получил настолько широкое распространение в языкознании, что, в сущности, стал одним из методов этой науки. Какой лингвист, если он не был абсолютно чужд веяний последних десятилетий, не употреблял терминов «оппозиция», «нейтрализация», «маркированность» и т.д. в описании не фонологических явлений? Случаи применения такого метода описания слишком многочисленны, чтобы их можно было рассмотреть все по отдельности, но рассматривать только некоторые из этих случаев едва ли целесообразно: они могут быть не типичны и, следовательно, не оправдывать общего вывода. Я поэтому отвлекаюсь от частных случаев применения данного метода и обращаюсь к его сущности» [8: 74]. Более того, учение о фонеме стало важным настолько, что фонология легла в основу большинства лингвистических дисциплин и даже университетских курсов по языку, принося студентам бесчисленные бессонные ночи во время сессии, а многих даже доводя до отчисления. И разобрать подробно, что такое фонема иногда бывает сложно не только для студентов... Само понятие фонемы трудно назвать однозначным и легкодоступным для понимания, тем более, что даже в курсе фонетики принято говорить минимум о двух концепциях фонемы: московской и ленинградской. Некоторые же преподаватели говорят еще и о фонеме согласно Пражской школе.

Попробуем выяснить один из аспектов отношений между этими направлениями.

В 1952 году на страницах тогда самого авторитетного отечественного филологического журнала «Известия Академии наук. Отделение литературы и языка» была опубликована статья Шаумяна «Проблема фонемы», которая вызвала неповторимую и не повторившуюся до сих пор по страстности, открытости и рискованности полемику¹. Эта полемика стала важнейшим этапом в формировании того понимания фонемы, которое растиражировано во множестве учебников московской школы по фонетике.

Возникновение понятия «фонема» и идеи Бодуэна де Куртэнэ

Работая в Казани И.А.Бодуэн де Куртэнэ и группа лингвистов, так или иначе им руководимых, столкнулась с одной достаточно нетипичной для собственно лингвистики второй половины XIX в. прикладной проблемой. Они занялись вопросами преподавания русского языка татарским детям. Следует отметить, что система звуков татарского языка и правила их сочетания, да и всех тюркских, принципиально отличаются от индоевропейской системы. Поэтому, татарские дети самым естественным образом переносили свои родные навыки произношения на русскую речь и в письмо. У них возникли постоянно повторяющиеся, воспроизводимые и даже предсказуемые ошибки. Собственно выкристаллизовалась проблема: почему дети воспроизводят в русском языке не русские, но родные татарские звуки. Более

¹ В современной литературе по истории лингвистики складывается довольно своеобразно представление о научном процессе 50-х годов. Лингвисты, относящие себя к наследникам отечественного структурализма, оказались в довольно двойственном положении. С одной стороны уже пришло время писать мемуары, а с другой – в этих неизбежно возникает тень отца Гамлета зловещий образ И.В.Сталина с его статьями по общему языкознанию... Естественно, что авторы мемуаров несколько идеализируют все, что относилось к тому времени. Частью оттого, что это была молодость, частью оттого, что в молодости не все охватишь, а работы потом прибавляется, и возвращаться некогда. Примером такой идеализации может быть образ А.А.Реформатского в несомненно чудесных мемуарах Р.М.Фрумкиной [10].

того, процессы взаимодействия между звуками у них тоже чисто татарские. В русском таких нет. В таких условиях учить детей было очень сложно.

Это методическое затруднение выделило проблему чисто лингвистическую: что такое звук языка? Бодуэн, привлекая данные своих учеников, назвал звук языка фонемой, вынес его за пределы физических явлений и определил ее в этом плане как «połączenie w jednolitą grupę wyobrażeń wyobrażeń prac wykonawczych organów mównych oraz wyobrażeń związanych z tymi pracami odcieni akustycznych, wyobrażeń, złączonych w jedną całość wyobrażeniem jednocześnie wykonywania owych prac i otrzymywania (percepcji) wrażeń od owych odcieni akustycznych» [13: 147]. Таким образом, фонема, как коммуникативно-значимое представление о звучании и артикуляции звука, несмотря на свой «физический» статус, предстала, как и всякая другая языковая единица, инвариантным психическим образованием, значимым для сообщества носителей данного языка. Обратим внимание на а) психологическую составляющую в этом определении, б) социологическую и в) деятельностную составляющую.

По поводу результатов деятельности Бодуэна и его казанского кружка Б.Гаспаров справедливо писал: «Последователи Бодуэна видели в его психологизме дань ментальности минувшего века. От которой идея фонемы должна быть воплощена, чтобы достигнуть чистого теоретического воплощения в их глазах; в их глазах Бодуэн гениально предвосхитил некоторые черты лингвистической теории XX века, но не был в состоянии довести свою мысль до логического завершения в силу того, что она оставалась в плену психологизма. Между тем, если отложить в сторону склонность структурализма видеть в идеях манифестацию универсального ноуменального порядка (о котором мы в свою очередь скоро сможем говорить как о продукте минувшего века) и взглянуть на вещи в исторической перспективе, можно увидеть, что именно психологизм Бодуэна [...] позволил ему выйти из рамок лингвистических понятий своего времени» [2: 303].

Фонема в представлении Н.С.Трубецкого

Развитием идей Бодуэна стала фонологическая концепция Трубецкого². Новизна концепции Трубецкого заключалась в том, что он абстрагировавшись от психологизма Бодуэна, но, не отрицая его, сконцентрировался на семиотических, собственно лингвистических основаниях фонологии.

Трубецкой рассматривал фонему как набор дистинктивных признаков, каждый из которых входил в ряд противопоставлений (по признаку многомерности и по признаку пропорциональности). В этой связи он писал: «Никогда не следует забывать, что в фонологии основная роль принадлежит не фонемам, а смысловозначительным оппозициям. Любая фонема обладает определенным фонологическим содержанием лишь постольку, поскольку система фонологических оппозиций обнаруживает определенный порядок или структуру» [9: 36-37]. Таким образом, у Трубецкого фонема стала своего рода узлом фонологических (инвариантных языковых фонетических) оппозиций как основных категорий фонологической системы: «Две вещи могут отличаться лишь постольку, поскольку они противопоставлены друг другу» [9: 36-37]. Как видим, оппозиция для Трубецкого является конституирующим понятием и носит аксиоматический характер. Однако существует ситуации, которые не укладываются в данную схему. Это — ситуация, в которой реализуются не все признаки фонемы, а только некоторые. Опуская подробности, которые, естественно, являются общим местом для каждого филолога, скажем, что такой ситуацией является явление нейтрализации фонемы.

Для объяснения явления нейтрализации в наиболее сильном, в философском смысле, варианте Трубецкой ввел понятие архифонемы, которую он вслед за Якобсоном понимал как, во-первых, неполный для отдельной фонемы набор признаков общих, во-вторых, минимум двум фонемам-членам одного ряда противопоставлений (оппозиций): «В позиции нейтрализации один из членов оппозиции становится, таким образом, представителем «архифонемы»

² Здесь применительно к задачам нашей статьи мы опускаем в изложении фонологическую концепцию акад. Л.В.Щербы, которая, безусловно, также является важнейшим этапом в истории фонологии.

этой оппозиции (под архифонемой мы понимаем совокупность смыслоразличительных признаков, общих для двух фонем)» [9: 84]. Из приведенной цитаты видно, что признаки нейтрализованной оппозиции являются продуктами деления, частями одного целого, а не механической суммой разнородных признаков.

Фонема у С.К.Шаумяна

В основе нашумевшей статьи Шаумяна «Проблема фонемы» [11] лежала попытка ввести в тогдашнюю отечественную лингвистическую традицию взгляды Трубецкого, который воспринимался согласно тогдашнему социально-культурному дискурсу как белополяк, «типичный буржуазный космополит, отрехнувшийся от своей родины» [3: 491], деятельность которого воспринималась сквозь призму эмиграции.

Совершая, с сущности не столько гражданский подвиг, сколько головокружительный кульбит над пропастью, Шаумян начал популяризировать взгляды Трубецкого. Стремясь обосновать понятие фонемы, Шаумян обратил внимание на то, что носитель языка не замечает «всего звукового разнообразия».

Отсутствие восприятия множества вариантов (не в терминологическом значении этого слова) и выделение носителем языка наиболее существенных признаков звука (иногда даже не представленных в восприятии) стало для Шаумяна основным аргументом в пользу существования фонемы как независимой лингвистической сущности [11: 329]. В центр своего понимания фонемы Шаумян ставит функциональный признак [11: 329; 12: 531]. При этом Шаумян, говоря о функциональном основании выделения фонемы как набора дифференциальных признаков, стремился дистанцироваться от взглядов представителей Ленинградской фонетической школы в плане неразличения родственных генетически, но разнесенных во времени звуков, как это представлено в концепции Бернштейна. С другой стороны Шаумян резко критиковал взгляды Московской фонетической школы и в частности А.А.Реформатского за его стремление объяснить варианты реализации фонемы морфологическими критериями. Напротив, Шаумян при решении данного вопроса опирается на собственно фонологические противопоставления, то есть на семиотические (знаковые) отношения между единицами фонетического строя языка.

Собственно соотношение между концепциями Московской школы и воззрениями пращев, которые активно пропагандировал Шаумян и составляют основную «коллизию» спора. Именно это различие окажется в центре нашего дальнейшего изложения, а понятие гиперфонемы в нашем изложении выполняет роль оселка, принципа фальсификации в терминах К.Попера, необходимого для вычленения особенностей рассматриваемых концепций.

Взгляды основателей московской фонетической школы на момент спора

Так сложилось, что окончательное формирование фонологических идей московской школы пришлось на довольно сложный период нашей истории, характеризовавшийся исчезновением в науке свободной полемики, невозможностью сосуществования различных филологических подходов. Поэтому любые новые лингвистические концепции должны были опираться на философию К.Маркса и Ф.Энгельса, либо на новейших советских философов.

Работы Энгельса посвященные языку меньше всего могут быть отнесены к вопросу фонологии, содержа в себе высказывания преимущественно социологического и социолингвистического аспекта и к фонетике применены быть не могут. Ведущими же советским философами руководил А.М.Деборин, обслуживавший в то время потребности «Нового учения о языке». На молодых московских славистов 30-х годов XX века сильнейшее влияние оказали взгляды ученика Э.Гуссерля Г.Г.Шпета. Именно философия Шпета, как отмечал Панов М.В. [4], легли в основу фонологических взглядов московской фонологической школы.

Основными, программными работами московской фонологической школы являются статьи Р.И.Аванесова «К вопросу о фонеме» [1] и А.А. Реформатского «К проблеме фонемы

и фонологии» [6], которые появились в отклик на уже упоминавшуюся работу Шаумяна «Проблема фонемы» [11].

Аванесов, опираясь на труды И.В.Сталина, предложил произвести ревизию фонологических идей: «После выхода в свет гениальных трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания, повернувших советскую науку о языке на путь марксистского развития, вопросы фонетики вообще и теории фонем, или фонологии, в частности, не подвергались еще сколько-нибудь серьезному обсуждению. Между тем обсуждение этих вопросов необходимо ввиду важности фонетической системы в структуре языка, равно как и ввиду важности фонетики как научной дисциплины в составе лингвистических дисциплин, в системе языкознания» [1: 463]. Утверждает, что звуки являются основной формой существования языка и мысли: «Таким образом, звуки речи являются «природной материей» языка; без звуковой оболочки не может существовать язык слов. Этим определяется место фонетической системы в структуре языка. В противоположность грамматике и лексикологии, которые изучают значимые элементы языка (предложения, словосочетания, слова, морфемы), в фонетике изучаются элементы не значимые сами по себе, однако служащие для различения звуковой оболочки слов и морфем. Именно поэтому в соответствии со сталинским определением грамматики, фонетика находится за пределами грамматики, образуя специфическую лингвистическую дисциплину. С этим связано и то, что фонетическая система не входит в состав тех сторон языка, которые составляют «основу языка, сущность его специфики» — грамматического строя языка и его основного словарного фонда» [1: 463]. Аванесов, будучи как диалектолог последовательным адептом младограмматизма, аксиоматически выдвигает артикуляторную фонетику на первое место в своей фонологической системе: «Научное и практическое изучение языков, в том числе изучение грамматического строя, словарного состава, семантики невозможно без изучения языковой «природной материи» — звуковой стороны изучаемых языков. Далее. Если сравнительно-исторический метод является основным методом изучения развития родственных диалектов и языков, то разве он может существовать без своего важнейшего отдела — сравнительно-исторической фонетики?» [1: 464]. Для Аванесова фонология носит вспомогательный, абстрактный характер: «...особо следует подчеркнуть исключительно важное значение фонетики, и именно в ее фонологическом аспекте, в деле создания алфавитов и орфографий, а также улучшения и совершенствования уже существующих алфавитов и орфографий. Таким образом, теоретическая и практическая важность разработки проблем фонетики не может быть оспариваема». Именно с этих позиций ученый подверг критике фонологию акад. Н.Я.Марра за незнание собственно *фонетических* реалий: «Известно, что акад. Н. Я. Марр и его «ученики» и последователи не только игнорировали фонетику, но по большей части были невежественны в этой области, лишь жонглируя термином «фонема» и другими фонетическими категориями». Статья Аванесова «К вопросу о фонеме» четко демонстрирует взгляды Аванесова на понятия фонемы, фонетической и фонологической системы, собственно их функционирование. В данной работе несложно заметить стремление последовательно редуцировать морфему к фонеме, а фонему к фону, хотя порядок изложения этих зависимостей прямо противоположен: «[...] в трудах некоторых авторов, в особенности лингвистов пражской школы Якобсона, Трубецкого и иных представителей структуральной лингвистики, противопоставление фонологии фонетике переросло в отрыв фонологии от фонетики, в изучение отношений между фонемами, их функций, безотносительно к звуковой материи языка» [1: 467]. И далее: «задача заключается не в том, чтобы оторвать функцию от выражающей ее языковой материи, а в том, чтобы изучать то и другое в реально существующем органическом единстве. В противном случае фонетика окажется дисциплиной совершенно ненужной, а фонология — беспредметной» «В советском языкознании не должно быть двух дисциплин, посвященных звуковой стороне языка, из которых одна — фонетика — относилась бы к естественным наукам, другая — фонология, — к наукам общественным. Звуковой стороне языка как общественного явления соответствует одна научная дисциплина — фонетика, которая изучает звуки речи как элементы структуры языка. Перед нами не две дисциплины, а лишь два аспекта исследования» [1: 467].

В этой связи понятие фонемы для москвичей оказалось увязанным в первую очередь не с фонологической системой, а с морфологическим инструментарием языка.

Фонема стала как бы субстанцией морфемы: «в фонетике изучаются элементы не значимые сами по себе, однако служащие для различения звуковой оболочки слов и морфем. Именно поэтому в соответствии со сталинским определением грамматики, фонетика находится за пределами грамматики» [1: 463]. Выведа, таким образом, фонему из языковой системы, москвичи создали фонологию в качестве особой вспомогательной дисциплины, находящейся даже не на периферии языковой системы, а, скорее, за ее пределами. Естественно, что там, за этими пределами фонема стала подчиняться не столько языковым закономерностям, сколько философским.

Как видим, фонетика и фонология нечаянно у основателей московской школы практически утратили семиотический и даже социальный статус, перейдя практически в область акустики и далее физики.

Именно этот аспект подхода Московской фонетической школы критиковал С. К. Шаумян: «Существенные акустические свойства фонемы — это те, которые достаточны, чтобы она не смешивалась с другими фонемами. Несущественные же акустические свойства безразличны в этом отношении» [11: 330].

Крайне показательным и вместе с тем шокирующим в свете официальной истории советской лингвистики с ее борьбой против психологизма и физиологизма, является следующее высказывание Аванесова в адрес Шаумяна: «[Шаумян] Редуцирует фонетику до фонологии, выбрасывая психологический и физиологический аспекты. Он говорит о природной материи языка, представляя ее как набор элементов функционирующих внутри своей системы» [1: 467].

Продемонстрированная неровность в философских и теоретических источниках концепции основателей МФШ ярко проявилась в предложенном ими способе решения вопроса о нейтрализации фонемы. Один из основных идеологов МФШ, А.А.Реформатский рассматривал слабую позицию фонемы как «смешанную фонему» [6: 72], как набор фонем представленных в одном звуке, а гиперфонему — как набор (иногда состоящий и из одной единицы) [7: 89] фонем в слабой реализации, не имеющий сильной позиции. При таком подходе гиперфонема, функционально выполняя ту же роль, что и архифонема в концепции Трубецкого и зависимых от нее представлениях Шаумяна, становится абстрактной суммой нескольких фонем, как бы одновременно находящихся в одной и той же позиции. Такой подход до сих пор сохраняется даже в учебниках, где фонема определяется как абстрактная единица. Более того, выдвинутое основателями МФШ понимание фонемы как абстрактной единицы стало «общим местом» при рассмотрении природы языковой единицы для целой плеяды отечественных ученых, что приводит к отрыву языка от конкретного его носителя не в реальности, а в сознании ученых.

Как видим, в начале формирования взглядов МФШ концепция была довольно пестрой в теоретическом плане. Более того, полемические высказывания ее основателей противоречат «канонической», «лекционной» форме фонологических представлений МФШ. В то же время, многие приведенные высказывания Трубецкого и Шаумяна, которых основатели МФШ поддавали критике, пользуясь даже довольно грязными, с современной точки зрения, политическими приемами, соответствуют позициям МФШ, сформировавшимся уже после 1953 года. Это позволяет выдвинуть гипотезу о том, что реальная история идей МФШ несколько отличается от той, официальной версии, которая изложена в работе Реформатского «Из истории отечественной фонологии» [5].

Однако последнее положение требует отдельного исследования...

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесов Р. И. К вопросу о фонеме // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. — Т. XI. — Вып. 5. — 1952. — С. 463-468.
2. Гаспаров Б. Евразийские корни фонологической теории: Бодуэн де Куртенэ в Казани // Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов. — М.: О.Г.И., 1997. — С. 303-324.

3. Десницкая А. В. Против формализма в учении о звуках речи // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. — Т. VIII.— Вып. 4. — 1949. — С. 337-342.
4. Панов М.В. Московская фонетическая школа: учителя // <http://rus.1september.ru/article.php?ID=200303206> от 25.02.2007 г.
5. Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. — М.: Наука, 1970. — 384с.
6. Реформатский А. А. К проблеме фонемы и фонологии // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. — Т. XI. — Вып. 5. — 1952. — С. 469-473
7. Реформатский А.А. Принципы синхронного описания языка // Реформатский А.А. Лингвистика и поэтика. — М.: МГУ, 1987. — 20-40 с.
8. Стеблин-Каменский М.И. Изоморфизм и «фонологическая метафора» // Стеблин-Каменский М.И. Спорное в языкознании. — М.: Наука, 1974. — 74 с.
9. Трубецкой Н.С. Основы фонологии / Пер. с нем. А.А. Холденко; под. ред. С.Д. Кацнельсона. — М.: Аспект Пресс, 2000. — 352с.
10. Фрумкина Р.М. О нас — наискосок // http://belolibrary.inwerden.ole/r_Frumkina.htm от 24.02.2007 г.
11. Шаумян С.К. Проблема фонемы // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. — Т. XI — Вып. 4. — 1952. — С. 336-337.
12. Шаумян С.К. О некоторых вопросах фонологии // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. — Т. XII — Вып. 6. — 1953. — С. 530-531.
13. Baudouin de Courtenay J. O języku polskim / Wybyr prac pod red. J. Basary i M. Szymczaka. — Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1984. — 454 s.